

Одесса

Это — шум ниспадающих вод,
Тополя и каштаны.
Это — неба бездонного свод
Над 10-й Фонтана.

Это — юности брызжущий сок,
Душный запах акаций
И горячий июльский песок
Всех шестнадцати станций.

Это — жизни бесценная соль.
Это — солнце и ветер!
И фантазия Грина — Ассоль,
И рыбацкие сети.

След ступни па ступенях времен...
Список улиц, как табель:
Де-Рибас, Ришелье, Ланжерон,
И Катаев, и Бабель...

Кто продолжит — не жизнь ли сама! —
Этот список неполный?
Так намыли все эти дома
Черноморские волны.

Время шло. В золотой ракушняк
Превращались ракушки.
Это — пушка, и это — маяк,
Маяковский и Пушкин.

* * *

Вечерние купания на плитах...
Об этом я мечтала целый год.
Об этих пирсах, волнами облитых,
О вечном шуме этих вечных вод.

Сдружиться с одиночеством пока мне
Не пишут, и ответов я не шлю.
И растянувшись на горячем камне,
Лениво грызть арахис иль кешью.

Не отвечать, не спрашивать, не спорить,
Не говорить, не думать, не писать,
А только слушать, слушать, слушать море
И бромом его йодистым дышать.

Кому-нибудь дороже Костомукша?
А я без этих пляжей не смогу.
— Но почему? — ты спросишь. — Потому что
Я родилась на этом берегу.

* * *

Что я делаю в жизни? Пишу. Сочиняю стихи.
Не тщеславия для. И не ради насущного хлеба.
Я пишу потому, что растут на земле лопухи,
Птицы песни поют, и высоко июньское небо.

Я пишу потому, что шумит черноморский прибой,
Ветер бьет в паруса, и пронзительно плачут бакланы.
Я пишу потому, что звенят тополя надо мной,
Навевая мечты про какие-то дальние страны...

Я люблю ЭТОТ МИР! Я люблю, несмотря ни на что,
Эту жизнь и людей, хоть и плачу от них, и болею.
Я пишу потому — пусть меня не читает никто! —
Что причастна и я к тишине Царскосельской аллеи.

И еще потому, что разбужена взмахом весла
Чья-то новая жизнь, а в лесу подрастают опять.
Я пишу потому, что есть осень, зима и весна,
Потому что есть лето, июнь есть и день его пятый.

* * *

Пью по зернышку я каждый слог
Южной речи гранатовый сок.
Он и сладкий, и кислый, и терпкий,
Вслух учу назубок, на пятерку
Этот русский-не-русский язык.
Он звучит точно так, как возник, —
Вольно! О сей язык без цепей!
В нем полынная горечь степей,
Нестерпимая соль в нем морская,
Солнце, ветер и пыль вековая.
Пью и пью этот темный, густой
Южной речи волшебный настой.

